

ОЛЕГ
РОЙ

ЧЕРЕЗ
ТЕРНИ
В ЗВЕЗДЫ

16+

Шапка Live

Олег Рой

**Шапка live, или Через
тернии в звезды**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рой О. Ю.

Шапка live, или Через тернии в звезды / О. Ю. Рой — «Эксмо»,
2016 — (Шапка Live)

ISBN 978-5-04-184749-4

Она уже не та наивная маленькая девочка, которую вдохновенно описывал Шарль Перро. Он — талантливый актер, очень обаятельный мужчина и... вместе с тем ликантроп — гибрид человека и волка. Эти двое абсолютно непохожи друг на друга, но их объединяет настоящая любовь, а еще — причудливый мир кинематографа. Дойдут ли они до вершины — большой вопрос, тем более продюсер фильма проявляет к Красной Шапочке особый интерес, а в мире бывает кое-что пострашнее волков и темного леса.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184749-4

© Рой О. Ю., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Олег Рой

Через тернии в звезды

© Резепкин О., текст, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

В прекрасном городе Москве жили-поживали Красная Шапочка и ее матушка.

Не скрою от тебя, дорогой Читатель, это была уже не та наивная маленькая девочка, которую с таким талантом и вдохновением описал знаменитый Шарль Перро. На дворе, в конце концов, двадцать первый век, и сказок почти несталось. Хрустальные туфельки проходятся в фирменном магазине «Ламбутен», принцы и принцессы знакомятся друг с другом в соцсетях, и никто не гарантирует, что у любой истории обязательно будет счастливый конец...

Впрочем, начинать следует не с конца, а с самого начала. Так и поступим. Только учти – в том мире, о котором я рассказываю, есть не только привычные вам люди, но и разумные существа других видов. Например, волки, медведи, рыбы, гиены и прочие представители флоры и фауны, присущие нашей огромной стране. Но козлов, говорят, гораздо большие. Хотя сейчас я, конечно, не об этом...

Глава 1

Красная Шапочка лежала на перине и смотрела то в потолок старого деревенского дома, то в телевизор, то в смартфон.

По телевизору она наблюдала шестую серию популярного сериала «Москва-Сити», в смартфоне – мировые новости моды и свежие фотографии светских львиц, а на потолке рассматривала паутину.

За сутки, прошедшие после вчерашней аварии, где Красная Шапочка заработала сотрясение мозга и ушибы бедра, она на себе испытала, как утомителен бывает излишек внимания. Приходила вся съемочная группа сериала, где девушка снималась в главной роли, приезжал потный и трясущийся от волнения председатель местного совхоза Борисыч, виновный в пьяной аварии.

Хорошо, что обошлось без жертв. Автомобиль, российский неубиваемый «газик», перевернулся в пшеничном поле и так и остался стоять на крыше, пока Серый Волк, в миру Владимир Серов-Залесский, вытаскивал оставшихся в автомобиле пассажиров: Красную Шапочку, по паспорту Ольгу Разумовскую, второго режиссера Сергея Анатольевича и главную обвиняемую – красивую актрису Людмилу. Из талантов у последней был бюст четвертого размера, длинные ноги и голливудская улыбка от лучших стоматологов. Именно эта дива подговорила подвыпивших мужчин увезти ее и Красную Шапочку в Москву, чтобы сорвать съемки телесериала¹.

Два раза Красную Шапочку навещал режиссер фильма и ее отец, Лев Львович, эффектный мужчина с львиной гривой, знаменитый в кинематографических кругах. Не зная, как выразить сочувствие, он хлопал Ольгу Разумовскую по руке своей лапой и приговаривал: «Все хорошо, все будет хорошо».

Забегали оператор и звукорежиссер, правда, при этом они не столько сочувствовали, сколь поедали со столика у кровати остывшую яичницу.

А Красная Шапочка тосковала по Волку. За последнее время ей стало необходимо видеть его ежедневно. Высокого, широкоплечего, сильного… Его мужественный вид и янтарные глаза, которые меняли цвет в диапазоне пятидесяти оттенков, от медового до коричневого, в зависимости от перемены настроения или погоды, волновали ее с каждым днем все сильнее.

Подумаешь, невидаль какая – Волк. В их мире половина населения зооморфы, ходят наполовину в зверином обличье. И Волк не самый худший случай. Как говорит матушка Красной Шапочки, имеющая в роду Черных Пантер: «Половина моих подруг живут с Козлами и, ничего, почти счастливы».

И вот в жизни Красной Шапочки появился наконец-то мужчина самой высокой мечты, а он и глаз не кажет. Все пришли, а Волк – нет… И что? Бежать к нему туда, где живет в деревенском клубе вся съемочная группа? Как-то стыдно…

Сегодня погода, как на грех, выдалась безоблачно-летней. Что только усугубляло отчаяние в душе Красной Шапочки, из глаз девушки даже потекли слезы.

Все три Сущности Подсознания Красной Шапочки (а какая современная глубокая личность без внутренних сущностей?) разделяли настроение хозяйки.

– «Тем, кто думает о себе слишком много, слишком мало думает». Сборник афоризмов, страница семьсот двадцать первая», – как всегда авторитетно процитировал умную мысль Разумей Занудович, отвечающий за правильное поведение девушки в быту и учебу в школе и в институте. – Отвлекись, Оля, от чувств, почитай энциклопедию…

¹ Читайте первую книгу цикла – «Пятьдесят оттенков Серого Волка, или Шапка live».

– Ничего ты не понимаешь, Разумей! – возмутилась Внутренняя Богиня, полупрозрачная и нежная, в легком сарафанчике, виртуально сидящая в тарелке из-под яичницы на столике у постели девушки. – Оскар Уайлд сказал: «Любовь к себе – это начало романа, который длится всю жизнь».

И она запустила в Разумея молнию из своего тонкого пальчика.

– Чего я не понимаю? – спросил Разумей Занудович, без особого труда увернувшись от огненного снаряда. Опалились только край домашнего халата и тапка в виде медвежонка.

– Нам нанесено смертельное оскорбление! – Внутренняя Богиня затрепетала стрекозиными крышками и нацелилась метать молнии дальше. – До глубины души... Где этот Волк ходит, когда мы его ждем?

– Да мало ли где ходит! Он же не обязан возле нас сидеть, – пожала плечами Девочка-девочка. – Может, он занят.

– Я. Сказала. Нас. Оскорбили! – чеканила слова Внутренняя Богиня.

В этот момент летнее платье Внутренней Богини превратилось в судейскую мантию. Небо потемнело, его закрыли тяжелые грозовые облака. С каждой минутой Разумею Занудовичу становилось все труднее сохранять олимпийское спокойствие.

– Чего мы опять ругаемся? – робко спросила Девочка-девочка. – Все девочки переживают из-за влюбленности. Подумаешь. Может, лучше парного молочка попить?..

– Молоко полезно для цвета кожи и крепости ногтей. – На какое-то мгновение боевой запал Внутренней Богини снизился, но она тут же подняла его на прежний уровень. – Не умилите! Волка тут ждет лучшая девушка Москвы и Подмосковья. Страдает, между прочим. А ему, этому Серому Волку, и в голову не пришло, как мы переживаем! И он не приходит, не кается!

– Не идет тебе балахон инквизитора, – заметил Разумей, рядом с которым появилось нечто вроде деревянного глубокого колодца. – Знаешь что, раз ты такая умная, рули без меня, успокаивай Оленьку как можешь.

– Эй, ты чего? – на миг опешила Внутренняя Богиня.

– Я, милая, твои мысли читаю, не забыла? – спросил Разумей, перебираясь через край колодца. – И они мне не совсем нравятся! Ключевое слово «совсем». Слишком много истерики. Но слушать меня ты не хочешь. Так что бывай здорова, живи богато, а я ухожу в партизаны!

– Я тебе уйду!!! – завопила Внутренняя Богиня. – А ну вернись, подлый трус!

Но Разумей Занудович, не обращая внимания на истерику напарницы, перебросил вторую ногу через ограждение и скрылся в глубине колодца, над которым на миг вспыхнула неоновая надпись «Глубины души».

Внутренняя Богиня осталась наедине со своим гневом.

Девочка-девочка к тому времени поспешила скрыться – от греха подальше.

Душу Красной Шапочки наполняли гнев и обида.

«Что делать? Дальше плакать или попросить у родной бабушки, так вовремя приехавшей на съемки в деревню, приворотного зелья, подлить Волку, и пусть он мучается?» – задумалась Красная Шапочка.

– Молоком пахнет. Вкусно, – сонно высунулась откуда-то Девочка-девочка. – Хватит дурью маяться. Пора выздоравливать, гнать прочь хандру и опять становиться самой обаятельной и привлекательной. А Волк никуда от нас не денется, уж поверьте.

– Есть в этом предложении здравый народный смысл, – неожиданно согласился Разумей Занудович, осторожно выглядывая из колодца. – Завтракать необходимо.

С улицы перед домом Сказительницы послышался звук подъезжающего автомобиля.

– Есть хозяева в доме?

На пороге кухни появился высокий и суровый Михаил Комов, медвежьи уши которого торчали с обеих сторон красной бейсболки. За ним протиснулась тетка Выдра, домоправительница Михаила, распоряжавшаяся в его лесном трехэтажном особняке. Что Михаил Комов, что тетка Выдра были одеты в помятые льняные костюмы брюки-пиджак-футболка, чуть ли не домотканые.

– Оля! – проревел Михаил. – Лев Львович просит тебя приехать в деревенский клуб. У них там какая-то запара, совещание и сборы в Москву, нужно появиться. Мы за тобой.

– А где твои сиделки? – фыркнула плоским носом с небольшими усиками тетка Выдра.

Гибкая и коротконогая, она обнюхала плиту, сковородку с четырьмя оладушками и клубничное варенье в кастрюльке.

– Они, то есть Сказительница и бабушка, тоже в клубе, – растерянно объяснила Красная Шапочка и спустила ноги с кровати. – Мне даже надеть нечего. – И она стала нащупывать на полу тапочки, но ей попались красные туфли на высоких каблуках.

Встав, Красная Шапочка одернула ночнушку.

– «Надеть нечего» – самая распространенная женская фраза, – проворчал Михаил. – Езжай как есть.

– Все не так, – стала объяснять Красная Шапочка. – Я ведь, когда приехала сюда, в деревню, привезла с собой два чемодана, таких темно-розовых. – Взгляд Медведя начал свирепеть, и девушка заторопилась: – Так вот, в чемоданах была моя одежда. Но мостик через ручей, вернее не мостик, а бревно сломалось, и мы с Волком упали в воду. А Волк не умеет плавать…

Взгляд Михаила Комова не потеплел.

– В общем, уплыли оба мои дорогие, я бы даже сказала, дорогущие чемоданчики с одеждой. А ведь я целый год подрабатывала на покупки – писала глупые статьи для глянцевого журнала. У матушки два платья стыри… попросила, – объяснила Олеся самое важное, на ее взгляд.

– Я сейчас не то зарыдаю, не то завою, – со вздохом прошипела Выдра, рассматривая себя в зеркале на стене, трогая короткую прическу и прижатые к голове велюровые ушки. – Ты, Красная Шапочка, прямо вот так иди, симпатичное платьице.

– Это ночнушка, – обиделась Олеся.

– Короче, я в ваших бабских нарядах мало понимаю, – проревел Михаил. – По мне хоть в мешке из-под картошки иди, но если хочешь доехать до своих киношников, то через пять минут ждем тебя в машине. Мы с утра уже туда Людмилу отвезли, и она в отличие от тебя поехала молча. Пойдем, тетка Выдра, а то я разозлюсь.

«Так это же повод увидеть Волка!» – обрадовалась Олеся. И тут же пришелся кстати звонок по смартфону. Красная Шапочка с удовольствием увидела на экране подружку Эльвиру Плотву.

– Я приехала в твою глухомань! – радостно заявила Эльвира. – Привезла пирожки с капустой, мясом, рисом и яйцами, печенкой и…

– Точно, пора ехать! – снова взревел Михаил. – Быстрее, а то сожру обеих.

Громко топая, Михаил вышел из дома, а тетка Выдра быстренько переложила тонкими когтистыми пальчиками оладушки в найденный на кухонном столе пакет и туда же вылила клубничное варенье.

– Ты давай поспеши, – сутилась тетка Выдра, завязывая пакет. – Наш благодетель Михаил шутить не любит.

Глава 2

Глядя в бревенчатую стену деревенского клуба культуры, Волк по-своему переживал вчераший случай.

Авария вышла какая-то несолидная, по большому счету никто не пострадал. Машина, въехав на поле со сжатой пшеницей, резко затормозила и перевернулась на крышу.

Красная Шапочка, за которой он бежал, оказалась на заднем сиденье с завязанным тряпкой ртом и связанными руками. Конечно же, из приоткрытого окна автомобиля Волк первой вытащил Олењку. При ее идеальной стройности это было несложно, и он осторожно переложил девушку на склоненную пшеницу, стараясь не уколоть ее об острую стерню.

Неся девушку в деревенский дом Сказительницы, Волк чувствовал себя самым счастливым существом на свете. Беззащитная, притихшая после аварии, ненакрашенная, она казалась такой любимой и родной. Он чувствовал единение с девушкой...

Но на пороге дома их поджидали бабушка Мария Ивановна и Сказительница.

— Девочка наша, да что же у нее руки до сих пор связанные? — громко запричитали они.

Уложив Красную Шапочку в кровать, Волк тут же ретировался. Он вернулся в деревенский клуб культуры, улегся в кровать и уткнулся носом в бревенчатую стену. Ему нестерпимо хотелось видеть Ольгу, но он боялся, что не совладает со своими чувствами и будет настаивать на любовных отношениях, а девушке нужен покой.

Так и лежал Волк, стараясь не выть, до самого утра. На вопросы забегавших в комнату членов съемочной команды не отвечал. Он думал. Прежде всего о том, что случится дальше. Можно кинуться в омут страсти с головой, но не лучше ли подождать, дать себе и ей время. Да, их тянет друг к другу, отрицать это бессмысленно и глупо. Но и то, что они слишком разные, чтобы быть вместе, — тоже факт.

Правильно говорят: постель — не повод для знакомства. Так, может, и не стоит сближаться с Олењкой? Может, лучше держаться на расстоянии, пока у него совсем не сорвало сероухую голову?.. Как там любила повторять бабушка: держись подальше от глухих лесов и от наивных девочек в красных шапочках — от них, поверь, все неприятности. Серов-Залесский верил. Но все же что-то ныло и болело там, в области сердца.

* * *

— Нужно срочно возвращаться в Москву! — категорично заявил Лев Львович при появлении Красной Шапочки, вышедшей из джипа Михаила Комова. — Итак, начнем наше совещание.

Вся съемочная группа и половина населения деревни сидели перед деревенским клубом за пластиковыми столиками, кто пил чай, а кто потягивал пивко, и на всех столиках стояли блюда с пирожками.

Бабушка Олењки, Мария Ивановна, Сказительница и ее подруга, местная пятидесятилетняя красотка Нина, разместились за отдельным столиком. Рядом с ними громко переговаривались местные девицы: продавщица сельского магазина Соня, сильно смахивающая на хрюшку, Крольчиха Зоя лет тридцати и Машенька страусиной внешности.

В отличие от молодого поколения, сплошь в джинсах и футболках с принтом мультфильма «Ну, погоди!», пожилые дамы были приодеты в летние платья и шляпки. У Сказительницы и Нины — соломенные с цветочками, у Марии Ивановны — широкополое произведение итальянского мастера.

Конечно же, первым делом Красная Шапочка сфокусировала взгляд на Волке, сидящем между оператором Потапычем и председателем Борисычом, но девушку, замахав рукой, позвала Плотва:

– Олењка, я тут!

Волк промолчал.

Пришлось садиться рядом с подругой, с костюмершей-гримером Леночкой и Львом Львовичем.

– А когда выезжаем? – уточнил звукооператор Сема, с внешностью сенбернара и дредами до плеч. Он с громким причмокиванием отпивал пиво.

– Завтра с утра. Нам дают площадку для досъемок, а главное – нужно пробивать спонсоров. Ребята! – Лев Львович поправил свою ковбойскую шляпу. – Скажу честно, у нас опять заканчиваются деньги!

Съемочная группа ответила на заявление тихим: «У-у-у».

Не слушая режиссера, Плотва наклонилась к Красной Шапочке:

– У вас здесь так интересно! Не зря я по совету Марии Ивановны метнулась на киностудию и купила пирожков. Сто штук, между прочим. Хочу у твоего папаши взять интервью. Как ты думаешь, он согласится?

То, что режиссер Брюковкин оказался настоящим отцом Олењки, стало, пожалуй, вторым по значению событием последнего времени. Первым, конечно, являлась встреча с Владимиром Серовым-Залесским, называемым также Волком.

– Давать интервью – это часть работы режиссера и актеров, – проговорила Красная Шапочка, отвлекаясь от мыслей о Волке. – Согласится.

– А где наша горе-киднеппенша? – неожиданно спросила Сказительница. – Где эта актриска на букву «Б»? – Лариса Ивановна посмотрела сначала на подругу Нину, затем на Марию Ивановну. – Она же не хотела, чтобы меня в сериал приглашали! Не нравится ей, как я с нею разговариваю. Без заискивания!

– Людмила сидит в подсобке, то есть в гримерке, – отозвалась гримерша Леночка, как всегда что-то штопая. – Она вместе с Сергеем Анатольевичем. Не знаем, что с ними делать. Вроде арестовали, а дальше-то что?

Допив свою бутылку пива, оператор Потапыч взял с земли вторую и скрутил крышку.

– Анатольевич хороший помреж, на нем вся массовка и второй план. Объемно снимает, убедительно, если со мной, конечно же, – добавил Потапыч.

– Его мы простим, – торжественно пообещал Лев Львович, умевший ценить талант, усугубленный не слишком большими финансовыми претензиями. – А что делать с Людой Людоедкой?

Женщины ехидно переглядывались, мужчины молчали. Кто усиленно курил, а кто допивал пиво.

Интуитивно прочувствовав нужный момент, из клуба на крыльце выбежала Люда. И тут началось представление с классическим заламыванием рук и с подывиваниями в голосе. Одернув короткое платье, Люда пробежала три шага и пала перед режиссерским столиком, а заодно и перед медведем Михаилом, сидевшим рядом. Между прочим, открывая лучший вид на свое простирающееся едва ли не до пупа декольте.

– Простите меня, Лев Львович! Простите, все остальные! Прости меня, Володенька! Бес попутал! Позавидовала работе этой... Простите, друзья мои!

Давно зная «искренность» Людмилы, соратники по съемкам только скептически скривили губы, а звукорежиссер Семен слабо поаплодировал, показывая, что не верит ни одному слову.

Зато местное население смотрело на Люду с восторгом провинциалов, принимающих в гостях знаменитую актрису. Больше всех был впечатлен антигламурный Михаил Комов.

Как же в это мгновение Красная Шапочка, наблюдая «за театральным этюдом» Людмилы, пожалела, что в школе уделяла мало внимания военной подготовке и не умела обращаться ни с ружьем, ни с автоматом Калашникова… А лучше бы с пулеметом «Максим».

Возможно, этот чудо-аппарат был в распоряжении Внутренней Богини и почти наверняка имелся в необозримых загашниках Разумея Занудовича. Но Девочка-девочка являлась убежденной пацифисткой, а Разумей и Богиня посчитали желание хозяйки расстрелять бывшую соперницу эффектной пулеметной очередью дурью. А жаль. Красная Шапочка шмальнула бы раза три, для верности. Виртуально, конечно же.

– Перестань ревновать, – у уха Красной Шапочки тепло зашептал голос Волка.

– Я не ревную, – уверенно соврала девушка.

– Я забираю Людмилу к себе, – неожиданно прозвучал рык Медведя Михаила.

Вертящий в руках сигару, которую он никогда не прикуривал, Лев Львович от неожиданности уронил ее на колени.

– А чего так? Я бы не рискнул: девушка у нас слегка заморочена на деньгах и желании стать знаменитой.

Медведи не умеют краснеть, поэтому Комов только рыкнул, хмыкнул, кашлянул и выдал:

– Она полы хорошо моет. А денег у меня хватит и на нее, и на себя, и на детей, если они будут.

Выдра на эти слова потупила круглые глазоньки, скосив их к плоскому носу, и фыркнула.

Зато нужно было видеть, как изменилось лицо Людмилы. Да, она девушка популярная и эффектная, и несколько человек из киногруппы знали, насколько виртуозна она в постели… Но к тридцати пяти годам Людмилу никто не приглашал замуж, к тому же Михаил – богатый человек. И неожиданно для себя Людмила в два движения ладоней стерла ярко-алую помаду и одернула короткий подол платья.

– Я согласна.

– Вот и отлично, – решил режиссер и встал. – Ребята, пора заниматься упаковкой аппаратуры и костюмов. Олеся, ты пока свободна, иди отлеживайся.

Не просто понимающая, но и чувствующая все Мария Ивановна, попеременно поглядев на любимую внучку и Волка, повернулась к режиссеру:

– Левушка, я сегодня переночую у Михаила в его лесном особняке. – Улыбнувшись Медведю всеми тридцатью зубами, свойственными представителям кошачьих, Мария Ивановна кокетливо спросила: – Не прогоните, милый Михаил?

– Буду рад, – рыкнул Комов.

– И я с тобой в гости съезжу, – решилась Сказительница и кивнула Волку: – Ты, Серый, проводи Красную Шапочку домой. Путь длинный, а у нее еще мозги не встали на место… Что вы на меня уставились? У девочки ведь это… потрясение. Сотрясение, то есть.

Глава 3

Впервые в жизни Красной Шапочке было так больно находиться рядом с Волком. Хотелось забыть обо всем и прижаться к любимому, обнять и поцеловать глаза, принявшие сейчас оттенок янтаря с золотой искрой... Но все не так просто.

Вся киногруппа встала со своих стульев, деревенские мужики вызвались помочь и стали складывать пластиковую мебель, а деревенские девушки так и сидели за своим столиком и кокетничали, доедая пирожки и допивая пиво.

— Лев Львович, — громко говорила Плотва. — Мне нужно от вас интервью, не зря же я сюда, на другой конец географии, ехала. А тебе, Оля, я попозже перезвоню.

В этот момент Оля почувствовала, что сегодня произойдет что-то важное в ее жизни. И она, опустив голову и прислушиваясь к внутреннему состоянию, пошла в сторону дороги, ведущей через поле, к дому. Волк направился вслед за нею.

Так они и шли, Красная Шапочка впереди, Волк на два шага позади.

И только когда за изгибом дороги скрылся клуб, а деревню было не видно из-за высоких колосьев, Серов-Залесский сделал решительный шаг и обнял Оленьку за плечи. У той сразу же подкосились ноги, и она замерла.

— Я так ждал этого, — признался он.

— И я тоже, — едва ответила Красная Шапочка.

И тогда Волк стал стаскивать с себя футболку и одновременно целовать Ольгу в волосы, в шею, в губы. Его внешность странно менялась. В лице появилось больше человеческого, а шерсть на голове переросла в волосы.

Он дотронулся до Красной Шапочки, и шерсть его стала шелковой, а лапы-руки — нежными... Что-то необычное поднялось в душе Красной Шапочки, в ее Сущностях.

Через минуту футболки и джинсы обоих лежали среди высоких колосьев. Отдельными пятнами краснели шляпка и туфли.

— Как необычно, — прошептала Красная Шапочка, незаметно для себя частично превращаясь из привычного человека в стройную Черную Пантеру. — Люби меня, мой ненаглядный.

Тела влюбленных слились в том вечном движении, что продлевает жизнь и дает ощущение счастья.

Вспотев под жарким солнцем и дыша запахом летнего поля, Серый Волк и Красная Шапочка, голые, блестящие от пота, лежали на своей одежде и смотрели в небо.

Протянув руку, Олеся сорвала колосок.

— Что это? Рожь или овес?

— Я в мясе разбираюсь, а в злаковых не очень, — улыбался Волк. — Только понимаю, что сейчас мы на яровом поле, а там, где перевернулась машина, были озимые и потому скошенные...

И тут ужас пробил сознание Красной Шапочки. Она увидела свою руку... На ней медленно исчезала шерсть зверя. Ее шерсть.

— Володя, что это?

— Тебе хорошо? — Волк поцеловал руку Олеся...

Смятые джинсы и футболки, полегшая рожь или пшеница, кто ее разберет, показывали, насколько увлеклись любовники. Они лежали посередине поля, смотрели то в небо, то в высокие колосья вокруг них с редкими васильками.

— Такого не бывает, настолько хорошо...

Проведя ладонью по своей руке в короткой темной шерсти, Олењка снова взглянула на Волка.

– Что? – спокойно ответил Волк. – Проявилась твоя настоящая сущность. Вот твоя Эльвира Плотва. И пахнет как дорогая вкусная рыба, и темперамент у нее такой же. А ты кто?

– Кто? – с ужасом спросила Красная Шапочка. – Я кто?

– Судя по тому, что сейчас было... Ты наполовину пантера, в свою матушку, а местами львица, в папу своего, Льва Львовича.

– У меня никогда не было таких ощущений... – Красная Шапочка всхлипнула. – Необыкновенно.

– Наверное, это не просто секс. – Протянув свою руку-лапу, Волк провел ею по волнам золотистых волос Красной Шапочки. – Любовь?

– Наверное... Теперь я понимаю, из-за чего происходили войны. За такие моменты в жизни можно сражаться. Мне необходимо тебе признаться. – Ольга медленно одевалась, лениво отмахиваясь от новых поцелуев Волка. – Небольшой, но сексуальный опыт у меня уже был.

– С твоими-то данными. – Волк отвернулся от девушки и натянул на себя футболку. – Кто бы сомневался? Но я вообще-то не ощутил твоего «опыта».

Обернувшись к Волку, Ольга легко провела ладонью по его подбородку, заглянула в карие глаза, потемневшие от ревности.

– Потому что мой неудачный опыт был давно, два года назад. Но почему я тогда не превращалась в пантеру?

– Значит, никакого опыта у тебя не было! – резюмировал Волк и стал снова снимать с Ольги футболку, не переставая целовать девушку.

Расстались они спустя два часа и то только потому, что у Волка проснулась совесть и нужно было идти в клуб, помогать паковать вещи и аппаратуру.

Абсолютно счастливая Красная Шапочка одна добрела до дома, наскоро приняла душ на кухне, стоя в тазу и поливая себя из чайника, и сразу легла спать.

* * *

Утром со всех сторон к клубу стягивались члены съемочной группы. Операторы и двое похмельных мужиков из местных засовывали в минивэн с надписью «Киносъемочная» софиты, фильтры, кинокамеры, километры проводов и остальную технику.

Деловитый, с портфелем и тую набитыми пакетами, но сонный Альберт Евгеньевич предстал перед съемочной группой, когда погрузка уже была закончена, и все сделали вид, что не заметили этого. Директор картины никогда при своих очень редких опозданиях не появлялся без «выполненных штрафных санкций».

Через пять минут после Альберта Евгеньевича появилась разрумянившаяся тетя Нина. Села она рядом с подругой Сказительницей, та уже откровенно плакала, утирая мокрый нос. Она мысленно расставалась со съемками, хоть и в эпизодической роли, и с ощущением кино-дивы в своей деревне, и со всеми людьми, к которым привязалась.

Деревенские дамы, от детей до старушек, горько рыдали, даже мужики сурово хмурили брови и украдкой смахивали скучную мужскую слезу.

* * *

Красная Шапочка сегодня была накрашена больше обычного. От желания нравиться она перестаралась, и Волк, если подходил близко, чихал от запаха ее духов. Наблюдая за девушкой,

он изумлялся все больше. Она надела ажурное платье, еле прикрывающее стройные ноги, и, несмотря на неудобство, продолжила вышагивать на пятнадцатисантиметровых каблуках.

Все были заняты своими делами, только Красная Шапочка мешала всем, пытаясь помочь.

Сидящие в сторонке Лев Львович и Плотва сосредоточенно смотрели в монитор розового ноутбука, вычитывали текст.

– Вот тут вот я указала вашу первую премию, еще 2001 года, за короткометражку о возрождении цветоводства в Зеленограде в Подмосковье...

– Вот этого не надо. – Лев Львович поправил ковбойскую шляпу и достал из кармана летней джинсовой куртки сигару. – Я этой работой не горжусь. И... Дорогая Эльвира, у меня есть личная, так сказать, интимная просьба...

– Я согласна!

Подскочив на своем пластиковом стульчике, высокая и тощая Плотва даже протянула руки, чтобы удобнее повиснуть на шее режиссера, бывшего сантиметров на десять ниже ее. Но Лев Львович, привыкший к реакции актрис, желающих всеми способами, вплоть до недостойных, привлечь к себе внимание, вовремя отскочил от начинающей журналистки. Сняв шляпу, Львович помахал ею перед собой, «охолаживая» Плотву.

– ...Пока никому не говорить о моем отцовстве. Могут возникнуть сложности в общении с продюсерами.

Опустив поднятые руки, Плотва надула губки, подкрашенные в ее любимый перламутровый цвет.

– Намек поняла, хотя для меня это сложно... Моя артистическая натура требует реализации – слушателей, зрителей на худой конец...

– Я тоже намек понял, у нас в сериале есть небольшой эпизод с гламурной девушкой. Девушка потерялась в лесу, чуть не утонула в болоте... Смешно.

Поправив лямку топика на совершенно плоской груди, Плотва взяла с белого пластикового стола свою сумочку и открыла ее, ища сигареты.

– Я готова в лес прямо сейчас.

– Не стоит, эту сцену мы доснимем осенью. Знаете, листья на деревьях красочные, дождик, лужи... Красота... Правда, вода в болоте холодная...

Если Лев Львович хотел напугать Плотву, то добился обратного эффекта. Серые рыбы глаза Эльвиры закатились от счастья.

– Как я люблю дождь и осенние пруды! Я даже в своем джакузи включаю холодную воду. А если бы вы видели, какой роскошный у меня отрастает хвост! – Эльвира достала сигареты и прикурила тонкую цветочную «Мариэтту». – Я же не только человек по отцу и рыба по бабушке, я еще немножко акула по маме.

– Хвост? – Профессионально оглядев плоскую и длинную Эльвиру, Лев Львович хищно улыбнулся. – А вот это интересно.

* * *

Полностью готовая к отъезду, Мария Ивановна сидела на стуле, прижав к груди большой ридикюль. На ее плече пристроилась летучая мышь Брателла, с первого мгновения проникшаяся любовью к бабушке. Мышь даже спала над ее кроватью.

А Красная Шапочка безостановочно рассказывала всем о своей «трагедии»:

– Так что я осталась без вещей и чемоданов. Они уплыли по ручью в неизвестном направлении, а Волк только смеялся.

– Что ты так беспокоишься из-за вещей? Купиши новые, – не понимала внучку бабушка.

Хмыкнув, как хмыкают киты, Плотва покачала головой.

– Как можно спокойно расстаться с вещами? У моей мамы Акулины собственный швейный цех, под Италию работают. Она забивает гардероб и только расширяет его, а вещи так и висят на сотнях вешалок или убраны в коробки. Хватит шмоток на академический театр.

– И что в этом хорошего? – не понял восторженного тона Плотвы Волк, проходивший к мини-вэну с очередной коробкой с проводами. – Мёли, наверное, и пыли много.

– Ой, ничего ты не понимаешь в нормальной жизни. – Достав из сумочки журнал, Плотва сунула его в руки Красной Шапочке. – Пойдем, сядем вместе, посмотрим на новинки. А эта, как ее? Дочка Дерипаски, ты бы видела, в каком платье она явилась вчера на тусовку! Вот может же, когда хочет! И деньги есть, и стиль хороший. А Женя Линович соригинальничала и заявила в летнем платье и в сапогах. Сапоги нормальные, но не для юбилея. Я сейчас тебе их в «Инстаграме» покажу.

Заметив подъезжающий автобус, вся съемочная группа вышла на дорогу.

Тут же началось прощание с местным населением, слезы, объятия женщин и рукопожатия мужчин. Киношники то забирались в автобус, то возвращались, чтобы еще с кем-то проститься. Хрюкастая Соня так и лезла с поцелуями к звукорежиссеру Семе, а Альберт до последней минуты что-то нашептывал тетке Нине, и она, вытирая носик от слез, рассеянно улыбалась.

Сказительница, то есть теперь уже только Лариса Степановна, так и продолжала реветь со вчерашнего дня и часто прикладывалась то к щеке Марии Ивановны для поцелуя, то к бутылочке из-под лимонада «Дюшес», конечно же, с иным содержимым – для успокоения расшатанных нервов.

Рассчитывающий довезти Красную Шапочку на своем «Харлее Дэвидсоне» Волк раздосадованно наблюдал, как его любимую девушку уводит в другой конец автобуса ее болтливая подружка.

Глава 4

В Москве им тоже не пришлось даже обняться. Лев Львович усадил Красную Шапочку и Марию Ивановну в свой припаркованный на территории киностудии «Мерседес» и лично довез дочь и тещу до подъезда их дома.

В квартиру Лев Львович подниматься не стал, испугался встречи с Алиной Борисовной и отговорился срочными делами.

Расстроенный Волк снова оседлал своего «Харлея Дэвидсона» и отправился к себе в съемную квартиру. Он не знал, что Красная Шапочка всю дорогу до Москвы выглядывала его мотоцикл, но отпрашиваться «погулять» у бабушки и режиссера было невозможно, и она терпеливо ждала, когда выдастся свободная минута.

* * *

В девять часов утра со двора послышались звук мощного мотоцикла и сразу после этого три сигнала клаксона.

– Твой приехал, – сообщила бабушка, подошедшая к окну. – Ждет. Не забудь клюквенный морс, я утром сварила.

Уже накрашенная, в воздушном розовом платье, в красной шляпке и красных же лабутенах, Оленька подхватила сумочку, из которой торчали планшет и последний выпуск журнала Hell.

Судя по всему, природа матушки-земли достигла-таки пубертатного периода и из предсказуемого и послушного отрока превратилась в строптивого подростка, находящего особое удовольствие в том, чтобы нарушать правила, переходить дорогу в неподходящем месте, стоять под стрелой, в общем, развлекаться с бесшабашностью хулигана, вводя в ступор степенных сотрудников Гидрометцентра. Как правило, жаркий июнь сменялся более прохладным июлем, и люди с нетерпением ждали этой перемены, изнывая от жары в общественном транспорте и простужаясь под кондиционерами в офисах, но погода-подросток, криво ухмыльнувшись, сказала «Щаззззз» и даже не думала выключать филиал субтропиков.

– Как тебе не жарко? – спросила Красная Шапочка, усаживаясь на раскаленное кожаное сиденье волчьей версии «Харлея Дэвидсона» и столь же привычно подскакивая, поскольку я не зря упомянул, что сиденье было буквально раскаленным, как глубины вулкана с красивым, певучим именем Эйяфлатлайокудль, согревающего Исландию и время от времени выступающего главным модератором европейского воздушного транспорта.

Волк пожал плечами:

– Трудно сказать. Но от стакана бабушкиного морса я бы сейчас не отказался.

– Тьфу, прости, забыла. – Красная Шапочка вытащила из сумочки запотевшую фляжку и протянула Волку, который тут же к ней жадно припал. – Эй, только мне оставь!

Волк с явным сожалением оторвался от фляжки и вернул ее хозяйке, завел мотоцикл и протянул Оленьке мотоциклетный шлем.

– А твоя бабушка с нами не поедет? – спросил он, выруливая с забитого машинами вернувшихся с дачи огородников двора.

– Нет, сказала, что сама доберется… она такая загадочная последнее время… – призналась девушка.

Всю дальнейшую дорогу до студии они молчали. Маневрирующий по городским улицам мотоцикл – не самое лучшее место для светских бесед. Лишь на киностудии, остановившись у волчьего «теремка» на колесах, владелец оного сомнительного сооружения уточнил:

– Во всяком случае, шеф в курсе и сказал, что у нас с тобой сегодня озвучка. Без бабушки. – Он фыркнул, помогая Красной Шапочке слезть со своего скакуна и снять шлем. – Вот вздумай я куда-то так отлучиться, без предупреждения – Лев бы меня посолил и съел.

– Ты у нас главный герой как-никак, – засмеялась Красная Шапочка. – Но вообще-то ты прав, бабушка определенно нашла к режиссеру, то есть к папе, подход.

– Кстати, его самого с утра не будет, – уточнил Волк. – Велел нам репетировать, обещал, что после обеда вернется. Деловая встреча у него, видите ли, будет окучивать продюсера…

– Иди загоняй своего «Харлея Дэвидсона» в стойло, а мне необходимо после поездки заново наводить марафет.

Когда Красная Шапочка закончила приведение своей внешности к стандартам глянцевого журнала без использования фотошопа (что свидетельствует о ее таланте в этой области, равно как и о прекрасных исходных данных, коими она, впрочем, постоянно была недовольна), подкрался полдень. Но наша героиня не сильно спешила, ведь Льва Львовича пока на площадке не наблюдалось, а значит, можно немного спустить постремки, и так нешибко натянутые.

Больше всего Красная Шапочка боялась, что, после того как Брюковкин узнал, что он не только талантливый режиссер, но и прекрасный источник генетического материала для производства сногшибательных особей женского пола, он станет относиться к ней с меньшим пietetом и разжалует из муз и мерилиномонро в обычную внебрачную дочку. Но Лев Львович оказался благороден, вполне под стать не только имени, но и отчеству, и отношение его к дочери ни на йоту не изменилось. Что еще нужно для счастья молодой девушке? Разве что виллу в субтропиках, «Ламборджини», яхту, шикарное коктейльное платье и возможность делиться секретами с Кристен Стюарт². Впрочем, под влиянием Волка отношение к Кристен у Красной Шапочки начало постепенно меняться, и когда Плотва со скрытым, по ее мнению, ехидством, сравнивала оную с нашей героиней, та морщила носик, словно ей сказали какую-то хорошо завуалированную колкость, и дело было вовсе не в бесхитростном ехидстве представителя ихтиофауны.

Вернувшись на съемочную площадку в сиянии брендовой косметики, Красная Шапочка неожиданно обнаружила Волка в компании задумчивого Брюковкина в модной тенниске с медведем работы китайского карикатуриста. Увидев девушку, режиссер поманил ее пальцем:

– Привет! Иди-ка сюда…

– Что я уже сделала? – захлопала ресницами Красная Шапочка.

– Ничего не сделала. – Режиссер напрочь проигнорировал неуклюжие попытки девушки оправдаться. – Наоборот, все отлично, детка. Выглядишь достойно. Бери пример, Вовчик.

– Шеф, и не уговаривайте! – возмутился Серов-Залесский. – Я краситься не буду! Несмотря на модные тенденции…

– Вовчик, краситься я тебе не предлагаю, – уточнил Брюковкин. – Я имею в виду, ты нормально одеваться-то в принципе умеешь? Как ни встретишь тебя, ты все в одних и тех же джинсах и невнятной футболке, и лапы в масле по локоть.

– Так удобно ж! – возразил Волк. – В смысле, одежда удобная и практичная. И потом, куда мне наряжаться-то?

² Кристен Стюарт – американская киноактриса, самыми известными фильмами которой являются трилогия «Сумерки» и фильм «Белоснежка и охотник».

– А вот об этом, дети мои, я хотел бы с вами поговорить. – Брюковкин приобнял парочку за плечи. – В общем, так, сегодня съемок и озвучания не будет. У меня для вас задание получше.

– Я заинтригован, – проговорил Волк тоном, выдающим скучу уровня «lord Байрон плюс».

– Не доводи меня до белого посинения, пожалуйста! – рыкнул режиссер, напоминая о своей второй натуре. – Если я выйду из себя, места на этой студии не хватит никому. Между прочим, я серьезные вещи говорю, а ты тут строишь из себя Евгения Ваганыча с клыками и хвостом...

– Ну зачем вы так, шеф? – с тоской сказал Волк. – Вы же знаете, какая у меня фантазия! Я так вижу. Как мне теперь это развидеть?

– А никак, – пожал плечами режиссер. – Теперь это будет твоим личным сортом ночных кошмаров. За то, что перебиваешь старших. Так вот, я про твой внешний вид не зря заговорил. Если ты намеков не понимаешь, спрошу прямо: ты нормально одеваться умеешь или где?

– А нормально – это как? – на янтарном глазу уточнил Волк. – А то, знаете ли, понятие нормы – оно такое субъективное, что...

– Вовчик!!! – почти что вышел из себя режиссер. – Нормально – это значит прилично! И если ты меня сейчас спросишь, что такое прилично, я, я...

– Не буду, шеф, – потупился Волк. – А то вы, не ровен час, удар схлопочете по такой-то жаре. Вы имеете в виду, что мне следовало бы одеться так, чтобы можно было бы появиться в обществе приличных людей?

– Господи, понял наконец, и полчаса не прошло! – всплеснул руками Брюковкин. – Я ж тебе говорю – бери пример с Красной Шапочки! Она всегда одета элегантно, даже в жару.

– В платье я наряжаться тоже отказываюсь, – заметил Волк и, видя, как глаза режиссера наполняются молниями гнева, быстро добавил: – Понял, понял, не извольте беспокоиться. Я вас когда-нибудь заставлял краснеть?

– От гнева – да, – ответил режиссер. – А так – нет. И смотри, если подведешь...

– Да чтобы мне всю жизнь только в «Ну, погоди!» сниматься! – побожился Волк. – В смысле, ничего не имею против «Ну, погоди!», но мне бы хотелось свой репертуар немного разнообразить.

– Вот и работай, – хмыкнул Лев Львович. – Будешь хорошо вести – сниму тебя в серьезном, но кассовом фильме.

Волк плотоядно облизнулся:

– Шеф, я уже говорил, что люблю вас как родного отца? – И про себя подумал: «И как будущего свекра, если выдержу характер Красной Шапочки».

Режиссер беспомощно взглянул на Красную Шапочку, потом вдруг оживился:

– Вот что, дети мои, сегодня вечером – важный выход. Будем пиарить сериал. Так что форма одежды – вечерняя. Бриллианты и драгоценные камни приветствуются. – Заметив испуганные взгляды актеров, он мрачно добавил: – Шучу. Ладно, без бриллиантов обойдемся. Но поезжайте в «Плюмаж» на Кутузовский, – велел он, доставая бумажник эпохальных размеров, больше напоминающий миниатюрный карманный аккордеон. – Я дам вам скидочную карту и кредитку; пусть Красная Шапочка подберет там себе платье... какое-нибудь. Если что-то останется – пусть купит туфли и все, что понадобится, я не знаю там... В общем, сама разберешься, – обратился он к девушке, протягивая ей кредитки. – Только сильно не разгоняйтесь, там на карточке денег не так чтобы очень...

Красная Шапочка только ресницами захлопала, ведь «Плюмаж» – это... это же «Плюмаж»!!! Это маленький кусочек Парижа, украшенный из Франции специально, дабы одевать российский бомонд.

От предоставленных возможностей голова Красной Шапочки пошла кругом... Однако ее смущил насмешливый взгляд Серова-Залесского. Внутренняя Богиня трепетала крыльшками, не решаясь выбрать – сделать приятное Волку и оставаться скромницей или с размахом потратить денежки новоявленного отца. Но кредитная карточка золотистого оттенка, а также понимание того, что Лев Львович двадцать лет не подозревал о существовании дочери и, соответственно, не платил алименты, резко повели вниз чашу весов с надписью «купить».

– Самой платить в бутике – плохой тон, – зашептала Внутренняя Богиня. – Раскошевливаться должен мужчина.

– Есть такое правило, – подтвердил Разумей Занудович и решил внести историческую справку: – Обычай подобного этикета возник еще во времена, когда женщина юридически и финансово зависела от мужчины, будь то отец, супруг или опекун, и сама, без сопровождения, не могла осуществить оплату...

– Кончай зудеть, Занудович, – возмутилась Девочка-девочка. – Побежали быстрее, пока батя не передумал, и обязательно перекусим в «Кофемании».

Покрутив карточки в руках, Красная Шапочка протянула их Волку. Волк молча сграбастал их и спрятал в собственный, под стать ему самому худенький кошелечек с эмблемой Картье на обложке.

– Жду вас к восемнадцати ноль-ноль, – строго сказал режиссер, глядя на Волка. – Потом у вас будет два часа, чтобы привести себя в порядок, а затем – мероприятие. Важное, для продвижения сериала на центральный канал, и под хорошие деньги. Ну, чего стоим? Schnell, schneller, sehr schnell³.

Волк схватил Красную Шапочку за руку и потащил за собой.

– Когда шеф переходит на немецкий, с ним лучше вообще не спорить, – сказал он девушке, все еще находившейся в ступоре от магического названия «Плюмаж». – Доедем мы туда за минут пятнадцать, слава богу, это рядом. Так что у нас будет часа три на шопинг, нормально?

³ Быстро, быстрее, очень быстро (нем.).

Глава 5

Свадебное платье ослепляло своей белизной и воздушностью. Жемчужинки, нашитые на лифе, матово поблескивали под светом ламп, кружево отливало серебром. Платье так и манило, так и соблазняло примерить.

– Ваш размер. – Продавщица заискивающе посмотрела на Красную Шапочку. – Отнести в примерочную?

Олењка тяжело вздохнула.

– Нет, спасибо. Пока не нужно. – И она решительно прошла прочь из свадебного отдела, потратив на созерцание выставленных там чудес невероятно малое по ее меркам время – не более двадцати минут.

– М-м-м… – Волк нервно смотрел на часы. – Не хочу тебя прерывать, но…

– Скажи, как тебе кажется, мне больше та сумочка идет или эта? – Красная Шапочка сунула под нос Волку две сумочки, которые, на его взгляд, были практически одинаковы. Наученный горьким опытом (Красная Шапочка уже интересовалась его мнением по поводу болero, пояса и туфель, и Волк много узнал нового о себе в частности и всех волках в общем), Серов-Залесский наугад ткнул в правую.

– Вот я тоже так думаю, – задумчиво сказала Красная Шапочка. – С другой стороны, у этой вроде цвет лучше гармонирует. Вот смотри…

– Кхм, – кашлянул Волк. – Ты не забыла, что я плохо различаю цвета и особенно оттенки красного и зеленого?

Эту фразу за последние без малого три часа Серов-Залесский успел произнести два десятка раз; откровенно говоря, он сбился со счета. Красная Шапочка задумчиво кивнула и продолжала вертеть в руках злополучные сумочки.

Самому Волку для покупки костюма потребовалось пятнадцать минут, включая примерку ботинок и галстука.

– Возьму эту, – наконец решила она, водрузив сумочку на лапы Волку на кучу ранее выбранных вещей. – Так-с, платье есть, туфли есть, болеро есть, пояс взяла, сумочку… что еще нужно-то?

Волк издал тихий звук, в котором разве что Дроздов⁴ смог бы опознать приглушенный волчий вой. Красная Шапочка вздохнула:

– Зануда ты, вот ты кто. Надо сказать продавцам, чтобы все упаковали.

– Скажу, – пообещал Волк, направляясь к кассе.

– Стоп! – это слово Владимир тоже слышал уже раз в двадцатый, потому тут же скорчил страдальческую мину. – А, нет, в ювелирный отдел мы не пойдем, – вздохнула Олењка. – Все, хватит. Идем уже на кассу.

Волк облегченно вздохнул.

– Триста семьдесят пять пятьсот, – мило улыбнулась кассирша, явно заигрывая с Волком. – Будете платить наличными или карточкой?

– У нас есть и обыкновенная «Виза», и дисконтная, посчитайте. – Волк нетерпеливо сунул девушки золотые карточки.

– Недостаточно средств, – все так же мило улыбнулась кассирша.

– То есть это как это? – опешила Красная Шапочка.

⁴ Николай Николаевич Дроздов – советский и российский ученый-зоолог, доктор биологических наук, общественный деятель, теле- и радиоведущий.

– Много не хватает? – уточнил Волк, перегнувшись через стойку кассы и дружелюбно ощерившись.

– Т...тринадцать тысяч девятьсот девяносто восемь, – ответила кассирша, улыбка которой при виде нависшей над ней волчьей пасти испарилась, как должник при виде коллектора.

– И что же делать? – растерянно спросила Красная Шапочка, глядя на Волка.

– Вы можете не брать туфли, – поспешила ответить кассирша. – Или пояс.

– Идти на кинотусовку без блестящего поясочка под болеро? – ужаснулась Внутренняя Богиня.

– Да ладно, – пожала плечами Девочка-девочка. – Разве это важно? Важнее настроение и добрая улыбка.

– По правилам стильности поясок может быть и без перламутровых вставок... – начал Разумей Занудович... и замолчал.

В глазах Красной Шапочки заблестели слезы отчаяния, она всхлипнула и пошатнулась, намекая на приближающийся обморок.

– Держим себя в руках! – решительно произнес Волк, запуская лапу в задний карман своих джинсов. – Поясочек этот дурацкий отдельно сколько стоит?

– Семнадцать тысяч шестьсот.

– А со скидкой? – уточнил Волк.

– Семнадцать тысяч сто девяносто восемь.

– Тогда пробейте его отдельно, – сказал Волк, выгребая из бумажника практически все его содержимое.

Пока кассирша выбивала новый чек, Волк задумчиво считал наличность. Наконец он спрятал в кошелек пару сотенных бумажек, ссыпал в карман горстку мелочи, а остальные деньги отдал кассирше. Та с облегчением пробила переливающийся перламутровыми бляхами пояс и вернула Волку пару монет, которые тот машинально сгреб в карман, после чего с выражением мрачной обреченности сграбастал коробки и направился к выходу.

– Конечно, к такому платью нужны какие-нибудь украшения, – рассуждала Красная Шапочка, следя у него в фарватере. – Но где ж их взять-то? Не мешало бы еще и в парикмахерскую заехать...

– Мы и так опаздываем, – сквозь зубы процедил Волк, рассовывая коробки по седельным сумкам своего мотоцикла.

– Эй, смотри, не помни платье! – гневно предупредила Красная Шапочка. – Как ты его пихаешь, это тебе не роба какая-нибудь!

Волк тихо-тихо проворчал: «Ты из-за тряпок реально сходишь с ума» – и уселся в седло. Красная Шапочка привычно уселась позади него.

– Невнимательный олух, – надула губки Внутренняя Богиня. – Он ей даже не помог!

– Кхм, – деликатно прокашлялся Разумей Занудович. – Тебе не приходит в голову, что он мог на нас обидеться?

– За что? – искренне удивилась Внутренняя Богиня.

– А как ты думаешь? – спросил Разумей, сам не забывший переодеться в английский костюм. – Три часа выкинуты из жизни на пустяки!

– Я думаю, что мужчина вообще не должен обижаться на женщину, а на нашу подопечную – так и подавно, – совершенно искренне ответила Внутренняя Богиня. – Наша Красная Шапочка просто ангел. Ты видел, какое она выбрала платье?

Разумей только пожал плечами и отвернулся. Девочка-девочка тоже не прокомментировала это заявление – ей платье нравилось.

— А почему ты меня сегодня ни разу не поцеловал? — спросила Красная Шапочка в шлем Волка, пока они стояли на перекрестке при красном светофоре. От нарочитой невнимательности своего спутника она перестала счастливо улыбаться и подумала, что от поцелуев Серого Волка, когда цвет его глаз меняется с янтарного на карий, она получает не меньше наслаждения, чем от покупок в дорогом бутике. А ведь всегда хочется двойного удовольствия.

— Ты условие нашего контракта помнишь? — прорычал Волк.

В памяти Красной Шапочки всплыла бумажка, подписанная ею в деревне ПригорАД.

КОНТРАКТ

При неисполнении условий Красной Шапочкой отмечаю невозможность совместной работы.

1. *Не пользоваться духами. Никакими.*
2. *Не пользоваться дезодорантами и пахучими мылами, только «Детским».*
3. *Не носить без крайней надобности высокие каблуки, особенно в помещении.*
4. *Шампунь заменить на отвары кефира с дрожжами или взбитые желтки. Полоскать волосы отваром крапивы.*
5. *Перестать манерничать по поводу и без повода.*
6. *Падать в обморок не чаще одного раза в месяц.*
7. *Не визжать!*

— Я помню, — поспешно ответила Олеся, боясь не успеть к переключению светофора с красного на зеленый. — И ты хотел добавить еще несколько пунктов к своему контракту. Мне необходимо изменить манеры, забыть о гламуре и подредактировать лексикон.

— Вот именно! — рявкнул Волк, и в унисон ему взревел мотор байка. — Я пока что не хочу тебя!

Красная Шапочка чуть не упала с мотоцикла, но не оставаться же без покупок!

* * *

— Лев Львович, я насчет денег... — начала оправдываться Красная Шапочка, но режиссер перебил ее, привычно уходя от скользкой темы.

— Ай какие молодцы! — Лев Львович восхищенно уставился на девушку, Волк стоял в стороне и разглядывал свои кроссовки. — И в сумму уложились, и купили все, что надо. Вот что, Вовчик, бегом переодеваться, и чтобы внешний вид соответствовал, понял?

— Угу, — кивнул Волк и в привычной своей манере ретировался в направлении собственного фургона.

— А ты пока проходи в свою гримерку, — велел Брюковкин Красной Шапочке. — Я вызвал Елену, она приведет в соответствие твою прическу, мейкап поправит. Потом переодевайся и подходи сюда, я вам с Вовчиком ценные указания давать буду. Только бы он с внешним видом чего не намутил... не посыпал бы его вообще, но... Такие люди будут, такие, Олеся, что мы тебе карьеру забабахаем, Голливуд отдыхает!

Через час с небольшим, когда Лена закончила свои манипуляции, Красная Шапочка не без удовольствия облачилась в обновки и совсем чуточку, минут двадцать, полюбовалась собой в зеркале. Видела бы ее сейчас Плотва! Да что там какая-то Плотва, ведь скоро ее увидят знаменитые и богатые люди...

Голову заволокло приятным туманом, в котором ощалело носилась счастливая Внутренняя Богиня и даже Разумей Занудович сидел с видом слегка обалдевшим. Ему бы и хотелось

охладить пыл своей подопечной, но он решительно не знал как. Все действительно складывалось как в сказке про Золушку.

Хотя не совсем так. Кем-кем, а Золушкой балованную матушкой и бабушкой Красную Шапочку назвать трудно, но все-таки многое из того, что было ей вожделено, до недавнего времени не являлось доступным. Теперь Разумею активно не нравилась легкость, с которой все стало доставаться девушки. Как, скажите на милость, мотивировать ее к необходимым действиям, если дорогие обновки валятся на нее с неба совершенно незаслуженно?

Но своими опасениями Разумей Занудович ни с кем не делился, особенно с Внутренней Богиней. Сейчас у них царило шаткое перемирие, и Разумей старался сдерживать свой пессимизм, чтобы худой мир, предпочтительный хорошей драке, продержался подольше.

Откровенно говоря, Разумею Занудовичу очень нравилась Внутренняя Богиня, ее свобода, раскрепощенность и незакомплексованность, в общем, все то, чего не было у него самого. Вот только он прекрасно понимал, что без его собственного занудства и приземленности, а также начитанности и образованности жизнь их подопечной значительно осложнится и вместо радужных высот в душе воцарится совершенно нелетная погода. Вот и приходилось Разумею, помимо воли, осаживать свою воздушную напарницу, вызывая у той вполне понятное раздражение...

Оглядевшись по сторонам на предмет наличия Внутренней Богини и убедившись в отсутствии оной, Разумей шепнул Красной Шапочке, что, если она опоздает, режиссер может очень разозлиться, и тогда... Что «тогда», он даже придумать не успел, поскольку девушка, тяжко вздохнув, поспешила на съемочную площадку, где обнаружила Брюковкина, явно встревоженного. Впрочем, это вовсе не помешало ему восхититься тем, как Красная Шапочка выглядит в новом облачении.

– Кроме всего прочего, у тебя безукоризненный вкус, – заявил он. – Вся в меня!

– Еще бы, мы же всегда в курсе всех новинок, читаем весь доступный глянец и подписываемся на самых признанных бьюти-блогеров, – напомнила Внутренняя Богиня, тихонько приземлившись рядом с Разумеем. – А ты говоришь, что это совершенно бесполезное занятие.

– И чем, скажи на милость, это помогло нашей подопечной? – пожал плечами Разумей Занудович. – Сама знаешь, глянец постоянно сам себе противоречит, а бьюти-блогеры рекламируют только то, что им предоставляют крупные компании. К тому же они постоянно на ножах друг с другом...

– Слушай, ну когда уже у тебя закончится твой деготь, который ты мне в мед добавляешь? – скривилась Внутренняя Богиня. – Ты лучше скажи, а где это Волк?

– А где Вовчик? – спросила Красная Шапочка. Режиссер посмурнел:

– Не знаю. Еще не переоделся. Сходить, что ли, за ним? Не понимаю, чего он там ковыряется, чай, не дама, чтобы час одеваться...

– Я мог бы перечислить все, что мне нужно было сделать, – ответил Волк, незаметно подошедший незнамо откуда, – но не буду. Сами увидите.

Красная Шапочка уже увидела и буквально оцепенела. Впрочем, когда Брюковкин, в свою очередь, узрел Серова-Залесского, ему не оставалось ничего, как повторить реакцию своей музы. И недаром!

Волк был одет в костюм-тройку, такой элегантный, что английские принцы согласились бы стать волками. Рубаха сияла белизной, как снега неприступных гималайских вершин; шелковый галстук был завязан виндзорским узлом, который хоть сейчас можно публиковать в учебнике по завязыванию виндзорских узлов, ежели такой существует в природе. Небольшая заколочка на галстуке светилась семью маленькими кроваво-красными камушками, два таких же камня покрупнее виднелись на запонках. На лапах Волка (само собой, задних) были элегантные штиблеты, сверкающие так, как может сверкать только радикально-черный цвет.

Но и это было не все: шерсть Волка, обычно не то чтобы растрепанная, но отнюдь не находившаяся в каком-то подобии порядка, эталонно лежала и переливалась равномерным блеском, как круп ахалтекинского жеребца. В общем, Серов-Залесский не просто являлся самым элегантным Волком, который существовал на нашей планете, никого элегантнее представить себе было просто невозможно.

– Ну, как вам мой прикид? – спросил Волк, глядя на Красную Шапочку. – Не слишком уныло? Можно в моей компании выйти в общество или...

Красная Шапочка сжала обе ладони, борясь с желанием подскочить к Волку и поцеловать, закрепив права собственности на великолепного зверя.

– М-да, не ожидал... – задумчиво выдал режиссер. – О! А не сделать ли нам действительно ремейк «Волка с Уолл-стрит»? Глядишь, еще и «Оскара» получим за главную мужскую роль...

– Шеф, нам надо сначала нашу «Лайф» закончить, – мягко прервал его Волк. – Так что я готов выслушать ваши инструкции.

– Да, пора, – задумчиво начал Лев Львович. – Первым делом, вы являетесь живым плакатом и приманкой спонсоров для нашего еще не законченного сериала. Но инструктаж чуть позже. А личная просьба – не говорить, что Олењка Разумовская моя дочь. Иначе и к ней самой, и к фильму начнут относиться предвзято и, значит, неблагожелательно.

Глава 6

Есть особые правила проведения светских мероприятий, в народе называемых «тусовки». И вот что об этом пишут в светской хронике и учебниках по проведению «мероприятия»:

«Светские» личности обладают феноменальным, даже патологическим желанием вызвать зависть к своему достатку, связям, своему влиянию или влиянию мужей (жен, сестер и т. д.). И за счет этого «гламурщикам» хочется казаться значимыми людьми.

Хвалиться в кругу близких – скучно. И тогда в ход пошли «Валтасаровы пиры»⁵.

На вечеринке высшего уровня все должно быть «не как у простых людей».

Приглашения написаны ни в коем случае не на открытках. Они нарисованы от руки на бланках из особой бумаги ручной выделки, от рисовой до сделанной из слоновьего... сами понимаете чего. Часто они имеют форму аксессуара, в зависимости от тематики тусовки и времени года: летних сланцев, веера, меховой варежки, сумочки или борсетки, очков, зонтов и даже тарелки с мульяжом черной икры и крабика. В общем, фантазия организаторов неистощима. Текст и стиль приглашения обязательно шутливо-заискивающий: «Будем счастливы видеть вас», «Окажите честь вашим посещением...», молодежное: «Зажжем и поржем вместе» и т. п.

Требования к нарядам на действительно гламурных тусовках строгие – платья от-кутюр, драгоценности в современном стиле или антикварные, аксессуары из Италии и Парижа.

Оформление клуба либо ресторана для вечеринки не должно повторяться ни в коем случае! Фотографы обсмеют, гости застынут организаторов.

В меню также не может быть названий типа «Холодец русский», «Селедка под шубой» или салат «Столичный». Обязательно что-то вроде «Устрицы в жемчужной заливке» или, например, обыкновенные жареные каштаны с восточными специями назвали «Снаряды терракотовой армии»⁶. Тарталетки с мясом в виде свиных копытец зовутся «Куда идем мы с Пятачком...» и многое-многое другое.

Для того чтобы поначалу, пока не переберут с алкоголем, гости тусовались по интересам и достатку, зал разбит на несколько зон – фуршетные столы, бар с уже разлитыми напитками, диванчики для отдыха и танцплощадка.

А дальше гости сами разберутся в «крутизне» друг друга, представленных блюд и того, кто и насколько безвкусно одет или надел слишком дорогие украшения, штиблеты не в тон костюму или ел блинчики, разрезая их ножом, а не вилкой.

Вот на такую тусовку и попали наши герои.

В начале восьмого вечера Красная Шапочка сделала шаг, о котором грезила всю жизнь. Это был шаг через порог лимузина от киностудии на красную дорожку, ведущую ни много ни мало в концертный зал «Россия», причем руку ей подал элегантный, как рояль, Волк, а следом из чрева лимузина на свет божий выбрался не менее элегантный режиссер, впервые сменивший джинсы и футболку на белоснежный смокинг.

⁵ Согласно 6-й Книге Даниила, Валтасар был последним халдейским правителем Вавилона. В ночь взятия Вавилона первыми на устроенном Валтасаром грандиозном пиру он святотатственно использовал для еды и напитков священные сосуды. В разгар веселья на стене появились начертанные таинственной рукой слова: «Мене, мене, текел, упарсин». Пророк Даниил истолковал надпись, в переводе с арамейского означающую: «Исчислено, исчислено, взвешено, разделено».

⁶ Армия из нескольких тысяч глиняных воинов, созданных 2000 лет назад по приказу китайского императора Цинь Ши Хуань Ди.

На девушке было длинное бежевое платье, а плечи прикрывало гипюровое болеро из натуральных кружев. Клатч и поясок, подчеркивающий тонкую талию, гармонировали с туфлями, конечно же, опасными для щиколоток лабутенами. Стильно, дорого и очень непросто.

Для полного счастья не хватало немногого – сгрудившихся у ограждений зрителей, самих ограждений, бликов фотовспышек папарацци и прочих работников средств массовой информации. Не считать же за папарацци двух убогих фотографов, прославивших торжественное вступление Красной Шапочки на путь, ведущий к вершинам бомонда?

Но через пять минут Оленька перестала печалиться об отсутствии папарацци, буквально на первом же шаге она на сто восемьдесят градусов поменяла свое отношение к этому прискорбному факту, поскольку у нее подвернулся пятнадцатисантиметровый каблук. Если бы Красная Шапочка грохнулась, то с дорожки ее можно было бы уносить на носилках прямиком в травмпункт для укомплектования в гипс, во всяком случае, ее Внутренняя Богиня успела хлопнуться в обморок от самого факта спотыкания. К счастью, Волк крепко держал свою даму под руку, а Внутреннюю Богиню поддерживал галантный и неотразимый ни в одном зеркале Разумей.

Оленька зыркнула на режиссера, но тот то ли не заметил ее конфузса, то ли сделал вид, что не заметил. Они поднялись по ступенькам и вошли в холл, причем вялые папарацци так и не удосужились сделать хотя бы один снимок. В холле, стилизованном под съемочную площадку, где стены были украшены постерами с кадрами советского еще черно-белого кино, тоже оказалось пустынно, и Красная Шапочка наконец тихонько спросила у Брюковкина:

– А почему нас никто не встречает?

– А кто нас должен встречать – духовой оркестр? – удивился тот. – Мероприятие-то неофициальное, так сказать, расширенный междусобойчик. Люди тут в основном непубличные, но, мягко говоря, не бедные. И, котятки мои, отключите звук у телефонов, здесь не принято болтать по смартфону. Засветить, если он стоит больше десяти тысяч евро, можно, для селфи там или «случайно», а разговаривать не стоит – моветон.

– И какова наша задача? – спросил Волк, сохранявший невозмутимость.

– Ты мультфильм «Мадагаскар» смотрел? – спросил режиссер. Волк кивнул. – И какие у тебя ассоциации?

– Бежать из этого зоопарка? – на карем, с золотой искринкой, глазу спросил Серов-Залесский.

– Я тебя когда-нибудь убью, Вовчик, – по-отечески ласково пообещал Брюковкин. – Задача у тебя с Красной Шапочкой пингвина: улыбаемся и машем. И поменьше раскрывайте рот, знаю я твой острый язык и сорок два зуба. Молчите оба, особенно в мое отсутствие...

– Вы что, собираетесь нас покинуть? – У Красной Шапочки глаза расширились до анимешного формата.

– Не планирую, но... – начал было режиссер, но тут его прервал зычный голос пожилого и, к удивлению Красной Шапочки, очень известного деятеля культуры, который имел не только все кинонаграды России, но даже «Оскар».

– Левушка! Сто лет тебя не видел, куда ты пропал, негодник? – снисходительно проявил внимание кинодеятель.

Брюковкин почтительно склонил голову:

– Мэтр, видеть вас здесь – такая приятная неожиданность!

– Кончай этот балаган. – Мэтр обнял режиссера и приятельски похлопал его по спине. – Идем, а то там в зале шампанское выдыхается. Я же им говорил, не-одно-кратно – ну не открывайте вы «Вдову Клико» заранее, дайте ощутить ее неповторимый букет, появляющийся в самый момент откупоривания! Из-вер-ги, просто варвары, а не люди!

– Улыбаемся и машем, – шепнул Брюковкин и покорно поплелся вслед седовласой глыбище российского кинематографа.

Красная Шапочка растерянно посмотрела на Волка. Тот пожал плечами:
— Улыбаемся. Идем, что ли?

В зале, уставленном столиками, людей оказалось довольно много. Это было первое, что заметила Внутренняя Богиня, и последнее, прежде чем вновь свалиться в обморок от сенсорной перегрузки. И было от чего. Если бы, допустим, астроном зашел в зал, наполненный созвездиями или, к примеру, антрополог наткнулся в летнем кафе на группу разного рода гоминид⁷, мирно пьющих кофе и обсуждающих последние новости, эффект был бы ровно тот же. И ничего, что девять десятых гостей Красная Шапочка, никогда не жаловавшаяся на зрительную память, отродясь не видела — оставшиеся десять процентов с лихвой искупали этот факт.

Актеры, режиссеры и прочие деятели искусства вперемежку с не менее известными ведущими, модельерами, звездами эстрады и прочими светскими лицами мирно попивали шампанское в компании непримечательных на первый взгляд, в основном пожилых мужчин и женщин… и не только. Здесь были и другие представители рода *Sapiens*, отнюдь не относившиеся к отряду приматов. Их оказалось не так много, но они присутствовали, и слушали их с видимым (или показным, но от этого не менее ощутимым) интересом.

Вечерние платья, соблазнительно открывающие спины, показывали нежную серебристую шерстку дам, прическу которых украшали высокие острые ушки, унизанные бриллиантовыми серьгами, в комплекте с такими же колье и браслетами. Ногти в форме коготков отливали лаками всех расцветок, а если у платья имелся кокетливый разрез от бедра, никого не смущало окончание ступни не в туфле, а украшенным драгоценными каменьями копытцем.

Хотя у одной дамочки возраста «за сорок» из-под шелковых брюк торчали утиные ласты с вживленными кольцами от «Бугатти», но это ничего в сравнении с ее широким клювом под пепельно-серой синтетической челкой. А другая уверенная в себе Ласка улыбалась острыми зубками и помахивала пушистым хвостиком из-под юбочки из кожи питона, слегка выглядывающей из-под пиджачка того же миллионерского качества.

На Волка с Красной Шапочкой довольно долго никто не обращал ровно никакого внимания, только симпатичная официантка осведомилась, что гости желают выпить. Серов-Залесский заказал стакан минералки. Красная Шапочка, смущаясь, попросила «Бьянко-апельсин». Их желание моментально удовлетворили, после чего оба скучали уже с бокалами в руках.

Через какое-то время появился режиссер в компании мэтра и еще нескольких людей, в том числе молодого и амбициозного телеведущего.

— Вот они, мои голубки, — заявил Лев Львович, указывая на совершенно ничем не напоминающих этих птиц Волка и Красную Шапочку. — Молодые, но такие талантливые, диву даешься. Серов-Залесский успел отметиться в Голливуде…

— У Бекмамбетова, кажется? — спросила пожилая дама с выразительным лицом и иссиня-черными волосами, одетая в неброское платье от Шанель.

Ее не потерявшая форму грудь была украшена ожерельем из камней, в которых Красная Шапочка безошибочно узнала бриллианты; неброские сережки тоже оказались инкрустированными этими лучшими друзьями девушек и дам в возрасте.

— Да-да, вы абсолютно правы, — просиял Брюковкин, при этом мэтр отвернулся и деликатно зевнул.

Красная Шапочка заметно посмурнела.

— А это юное дарование? — уточнила дама, кивнув плюс-минус в сторону нашей героини.

⁷ Гоминиды — крупные и сильные обезьяны.

– Моя находка, – продолжал сиять режиссер. – Талант от Бога, прирожденная инженю, играет как дышит.

– Ее лицо мне смутно знакомо… – задумчиво заметила дама. – Вы где-то раньше снимались, дорогая?

– Это ее дебют, – поспешил ответить Брюковкин. – Должен вам заметить…

– Но я определенно видела уже эти черты, – настойчиво перебила его женщина и нервно дернула плечом, обтянутым черным шанелевским трикотажем. – Возможно, она из какой-то плеяды, династии, так сказать?

Режиссер неожиданно стал краснеть так, что даже Красная Шапочка это заметила, но тут положение спас Волк.

– Она дочь Алины Борисовны Разумовской, – сказал он, крепче прижимая к себе девушку, словно стремясь защитить ее от чего-то или кого-то.

– Батюшки, так вы – дочка Алиночки! – всплеснула руками дама. – Я всегда читаю все ее статьи в журналах. Вот не подводит старушку память!

– Ну какая вы старушка, – робко возразила Красная Шапочка. – Вам хоть сейчас можно на обложку любого глянца!

При этой тираде режиссер покраснел так, что стал в тон головного убора, в честь которого наша главная героиня получила свое прозвище, а вся компания взорвалась здоровым гомерическим смехом; даже мэтр громогласно хохотал, то и дело вытирая глаза платочком, а затем хлопнул режиссера по плечу.

– Ты прав, стопроцентная инженю! – восхитился он. – Если ты не сделаешь из нее вторую Мерилин Монро, я у тебя ее отниму, клянусь авторскими правами.

И тут перед Красной Шапочкой, одна за другой, замелькали страницы многочисленных модных журналов, где стоявшая рядом дама то позировала в новых нарядах, то за письменным столом, а то и в телевизионных передачах.

– Позорище, – резюмировала Внутренняя Богиня. – Твоя матушка раз пять брала у нее интервью.

– Будем стараться, мэтр, – стушевался режиссер.

Но тут мэтр, заприметив кого-то в толпе, заявил:

– О, Олежка пришел! Идем его приветствовать, моя внучка без ума от его мультиков...

Глава 7

– Наша девочка выглядит здесь если не дурой, то красивой дурочкой, – сморщила тонкие бровки Внутренняя Богиня.

– Страница 642 сборника афоризмов, – перебил Разумей Занудович, переодетый по случаю в черный смокинг. – «Мелкие радости к крупным неприятностям». Внимательнее нужно быть. Обратите внимание на того толстяка, что одновременно похож на раскормленную Гиену и старого медведя Панду? Он чуть не упал обморок от восхищения, когда увидел нашу Красную Шапочку. Обладать такой внешностью могут только пожилые миллионеры.

– Ах, какой прекрасный повод вызвать ревность Волка, а то он совершенно не обращает внимания на нашу подопечную и постоянно выглядит сердитым, потому что она перестала соблюдать контракт, – вздохнула Внутренняя Богиня.

– Не приставайте к ней, пусть хоть немного побудет собой, – укоризненно заметила Девочка-девочка.

Тем временем Волк и Красная Шапочка снова остались практически наедине, если не принимать во внимание уймы снующих рядом людей, богатых и знаменитых. Наши герои смотрели друг на друга совершенно недоумевающими взглядами, точнее, недоумевающим был взгляд Красной Шапочки, Волк же хранил олимпийское спокойствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.